

XX 306
22

Handwritten signature in red ink

3
1973

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Звезда

3
март
1973

■ ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ С С С Р

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЛЕНИНГРАД

Эрнст Генри

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Статья Эрнста Генри посвящена воспоминаниям И. М. Майского. Читателю не нужно представлять ни автора статьи — известного советского публициста-международника, ни мемуариста — академика и дипломата. Их имена сами говорят за себя.

Однако это предисловие все же не обходимо.

Далеко не всем известно, что И. М. Майский был первым редактором «Звезды». Именно он был организатором журнала, которому в январе 1974 года исполнится 50 лет. Таким образом, в преддверии этой даты мы знакомим читателей с деятельностью первого его редактора. В номерах 1-м и 4-м за этот год уже помещены воспоминания об О. Форш и А. Чапыгине, статья А. Ахматовой — все это имена активных авторов журнала. В дальнейшем мы намерены в статьях ли, портретах, мемуарных очерках или обзорах рассказать о писателях, которые многие годы печатались в «Звезде» и произведения которых сыграли большую роль в становлении советской литературы: М. Горьком, К. Федине, Н. Тихонове, Ю. Тынянове, В. Шшикове, Б. Лавреневе, Н. Никитине, М. Слонимском... В той или иной форме мы собираемся напомнить и о другом поколении прозаиков и поэтов, авторов «Звезды», таких, как А. Прокофьев, В. Саянов, О. Берггольц, Н. Заболоцкий, Ю. Герман, В. Панова, продолжавших дело зачинателей советской литературы. И разумеется, рассказать о сегодняшних авторах журнала и планах на ближайшее будущее.

Статья об И. М. Майском — одна из первых в этом ряду.

На Западе воспоминания людей, рассказывающих в преклонном возрасте о былых временах, обычно пишутся с некоторым налетом грусти. Это почти традиция; такой подход считается вполне естественным и приличествующим. Авторам как бы жаль невозвратного прошлого, которое почти всегда кажется им лучше настоящим. Все в прошлом освещено для них каким-то особенным светом, видимым только им и кое-кому из их современников. История его времени представляется такому мемуаристу как нисходящая кривая. Все будто бы было ярче, интереснее, изящнее, чем теперь; все стало серее, хуже и скучнее. И автор даже не замечает, что видит перед собой не кривую истории, а кривую своей собственной жизни.

По той же причине в буржуазном мире считается почти обязательным и во всяком случае весьма тонным, чтобы престарелый мемуарист с мудрой

улыбкой высказывал свой скептицизм в отношении грядущего. Ничего действительно нового и подлинно хорошего он уже не ждет, ни во что великое в будущем не верит. Он все видел, все познал и почти во всем разуверился. То, для чего стоило жить, позади, впереди лишь извечная карусель. Читатель чувствует, что автор очень устал — и от жизни, и от людей.

Такие мемуары писались столетиями. На полках библиотек их сколько угодно.

Воспоминания И. М. Майского¹ обладают рядом достоинств: богатством исторического материала, живостью изложения, мягкостью суждений и характеристик. Но современника еще больше, быть может, привлекает другое: несокрушимый оптимизм, неисто-

¹ И. М. Майский. Воспоминания советского дипломата. М., 1971; И. М. Майский, Воспоминания, т. I—III. М., 1964.

щимое жизнелюбие автора. Свои последние книги Майский готовил, переждав за порог 80 лет. Он прошел через трудную, временами очень трудную жизнь. Но, как видно, он ничуть от нее не устал. Сегодня, в 88 лет, он так же страстно верит в человечество и его будущее, как верил в двадцать. Может быть, поэтому его воспоминания действительно до конца читаются с неослабевающим интересом.

Люди античных времен, пишет Майский, «были большими пессимистами и имели к тому достаточные основания. Они говорили „так проходит слава мира“ и на этом ставили точку. Мы, советские люди, напротив, большие оптимисты и имеем к тому достаточные основания. Поэтому мы не ставим точку там, где ее ставили римляне, мы ставим там только запятую и продолжаем: „но и рождается новая слава...“ И эта новая слава для нас гораздо интереснее и увлекательнее, чем та, которая прошла...»

Предисловие к своим воспоминаниям автор кончает словами: «Когда на склоне лет я подвожу итог пережитому, то, несмотря на все трудности и опасности, окружающие сейчас человечество, я полон оптимизма и глубокой веры в будущее. Мне хочется воскликнуть: — Да здравствует жизнь! Да здравствует жизнь, идущая к коммунизму!»

Исторический переворот, совершающийся в мире в наши дни, затрагивает всех и все. Примечательно, что он уже так отчетливо отражается даже на установившемся веками духе мемуарной литературы. Авторы, принадлежащие к новому обществу, отказываются опускать голову, капитулировать в последних главах своих воспоминаний перед жизнью и возрастом; они продолжают любить людей и верить в них до конца. Нетрудно понять, о чем это говорит. Старая мемуарная литература, создававшаяся преимущественно деятелями буржуазного общества, включает много важных и ценных трудов. Это вне сомнений. Но нам все же думается, что новая школа мемуаристов, рожденная социалистическим обществом, окажется сильнее и глубже старой.

Есть еще одна причина, почему следует с интересом ждать роста этой школы. Сейчас крупных мемуарных произведений, написанных советскими политическими и общественными деятелями, не так уж много; в последнее время можно, вероятно, говорить только об увеличении числа трудов военных авторов. Дело, разумеется, не в том, что прошло слишком мало времени, чтобы накопить материал для воспоминаний. Скорее наоборот. Столько материала, сколько скопилось у советских людей за истекшие 55 лет, нет нигде и, вероятно, никогда ни у кого не было. Каждый год нашей жизни

стоил десятилетия по старому исчислению. И все-таки, как пишет Майский, налицо «крайняя скудость мемуаров советских политиков, дипломатов, партийных, хозяйственных и военных деятелей». Не только историк, каждый студент, роющийся в материалах по нашему прошлому, знает, что это так.

Особенно это относится к материалам о советской дипломатии. Как известно, у нас нет воспоминаний ни Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова, ни мемуаров Л. Б. Красина, В. В. Ворожского, А. М. Коллонтай, Я. З. Сурица, Л. Р. Мартенса и многих других ранних деятелей ленинской дипломатической школы, верно служивших Советскому Союзу. Между тем, уже сейчас ценится каждая строка, вышедшая из-под пера наших дипломатов начала эпохи великого переходного периода.

Книга И. М. Майского, таким образом, — одна из немногих. Автор начал свою работу в Народном комиссариате иностранных дел в 1922 году и продолжал ее без перерыва до 1948 года, то есть в течение четверти века. Находясь на службе советской дипломатии в разных уголках мира, встречаясь с людьми, впоследствии вошедшими в историю, сталкиваясь с представителями самых различных общественных кругов, Майский видел очень много. Хотя он оговаривается, что «мемуары — это капризная запись памяти о людях и событиях прошлого, запись пестрая и отрывочная, субъективная и многогранная», читатель находит в его книгах не только личные воспоминания, но и анализ пережитого. Рассказывая о том, что он видел и знает об «эпохе совершенно исключительного значения для человечества», Майский пишет не только как дипломат, но и как историк, более того — как литератор.

Полотно, которое он рисует, очень обширно. Более бурных и пламенных эпох, чем охваченные его воспоминаниями годы, за время существования человеческого общества не было никогда, а Майский нередко оказывался как раз в центре бури. Рассказ он начинает еще с детских и юношеских лет, проведенных в Сибири. Он вспоминает о временах, когда город Омск, где он учился в гимназии, был «забытой богом и людьми» провинцией, о которой говорили: «Три года скачи — не доскачешь»; когда ночью по улицам города ходили сторожа с колотушками; когда ближайший железнодорожный пункт находился на расстоянии 600 верст и ехать до него приходилось на лошадях в тарантасе.

Картины тихого Омска сменяются рассказом о начинающейся буре. Примкнув к революционному движению, испытав тюрьму и ссылку, Майский за несколько лет перед первой миро-

вой войной решает пройти «школу европейского социализма» на Западе. Четыре года он проводит в Германии, пять — в Англии. Нарисованные им картинки жизни политического эмигранта в Западной Европе того времени весьма любопытны. Особенно это относится к той зарубежной стране, где он прожил дольше всего, — Англии.

Когда Майский впервые приехал туда в 1912 году, английская буржуазия находилась в зените своей мощи и славы. Никто не был сильнее и самоувереннее; казалось, ее величие несокрушимо. Майский внимательно изучал обе важнейшие стороны жизни в Англии: рабочее движение и политику правящего класса. Особое впечатление произвела на него, как и на многих других в те годы, та черта английской буржуазии, которая так отличала ее от многих классовых собратьев на континенте, — политическая осторожность и гибкость.

Едва ли подлежит сомнению, что именно эта черта, вместе с островным положением Великобритании, наличием огромной колониальной империи, мощного морского флота и веками накопленных богатств, обеспечила долготелее первенство английского капитализма на мировой арене. Гибкость проявлялась прежде всего во внутренней политике. Но и в международных делах руководители английской буржуазии были обычно дальновиднее других. «„Вовремя“ и в „надлежащих размерах“, — пишет Майский, — таковы были два тактических принципа, которыми руководствовались господствующие классы (Великобритании. — Э. Г.), когда на каком-либо опасном историческом зигзаге они делали ставший неизбежным поворот. И, надо откровенно сказать, на протяжении последних двух с половиной веков они достигли тут большого искусства и заработали немало политического капитала». В этой связи Майский особенно выделяет английский «культ компромисса».

В уме читателя-современника невольно возникает вопрос: сохраняются ли эти традиционные свойства и качества английской буржуазии в наши дни? Можно ли утверждать, что она и теперь проявляет осторожность, гибкость и склонность к компромиссу на «опасных исторических зигзагах»? Многие указывает на то, что это уже не так. Британская буржуазия стала значительно менее осторожной и в своей внутренней, и в своей внешней политике. В последние годы она предпринимает один рискованный шаг за другим, играя судьбой нации. А ведь неограниченных возможностей для безопасного скольжения по наклонной плоскости наше столетие Англии уже не предоставляет.

В непосредственной связи с прежними особенностями английской бур-

жуазии рассматривает Майский и особенность английского рабочего класса. Отмечая его достоинства и сильные стороны, он в то же время показывает, как английский капиталисты с помощью продуманной, рафинированной политики постоянно влияли на отношение рабочих к классовой борьбе, содействуя, в частности, укоренению правого лейборизма. Рассказывая о своих впечатлениях от поездки по одному из промышленных районов страны в 1913 году, он пишет: «Если бы английский рабочий вкладывал в дело политической борьбы хоть половину той страстности, которую он вкладывает в футбол, какой бы замечательной страной стала Великобритания!»

В другом месте, вспоминая слова Энгельса о выгодах, извлекавшихся квалифицированным верхушкой английского пролетариата из эксплуатации колоний, Майский наглядно иллюстрирует это воспоминаниями о своих собственных беседах с английскими рабочими этого типа. В итоге роста богатств английского капитализма, заключает он, создавалась «прочная экономическая база для той политической системы, которая в конечном счете сделала из английского пролетариата скванного гиганта».

Опять перед читателем возникает многозначительный вопрос. Что теперь таит будущее для английского рабочего класса? Все в мире изменилось. Мы стали очевидцами распада «вековой» британской колониальной империи, глубокого внутреннего кризиса британского капитализма, его подчинения «Общему рынку», влекущего за собой ломку традиционных основ английской экономики. Останется ли английский пролетариат при таких условиях и впредь скванным гигантом?

Уже есть серьезные основания ответить «нет» и на этот вопрос. Жизнь в 70-х годах меняет многое для английского рабочего, теряющего свои прежние привилегии и переходящего на положение рабочих других западноевропейских стран. Будущее покажет, на какие позиции он станет в ближайшие годы. Но чтобы понять, куда он идет сейчас, стоит прочесть у Майского, каким он был 60 лет назад.

Рассказывая о рабочем движении на Западе в начале века, автор останавливается не только на больших политических проблемах. Мимоходом он рисует живые, подчас забавные картинки прошлого. Запоминается, например, сценка на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в августе 1910 года, на котором присутствовали В. И. Ленин и многие выдающиеся деятели рабочего движения тех лет, в том числе А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Г. В. Плеха-

нов, Жан Жорес, Кейр Гарди, Гарри Квелч, Бен Тиллет и другие. Жорес, выступавший по-немецки, закончил свою речь словами: «Сердце мое еще полно, но мой немецкий словарь уже истощается... Да здравствует международный социализм!» После этого Луначарский предложил качать Жореса.

Русские делегаты, рассказывает Майский, «схватили слегка переугарившегося Жореса. К ним присоединились болгары, сербы и другие славяне. Потом, увлеченные общим порывом, в человеческий клубок вовлеклись австрийцы, французы, итальянцы. И вот... Грузное тело Жореса вдруг поднялось и взлетело в воздух. Еще и еще раз. Кругом раздавались восторженные крики. Одному бедному Жоресу было не до шуток. На широком лице его отразились растерянность и беспокойство. Он не понимал, что это значит и что с ним происходит. Когда, наконец, Жорес вновь оказался в перпендикулярном положении и на твердой земле, он вздохнул с облегчением».

Это было 62 года назад, почти накануне первой мировой войны, расколовшей старый, социалистический Интернационал. С тех пор утекло много воды. Над миром пронесли небывалые бури. Почти никого из участников копенгагенского конгресса в живых уже нет. Но чувство братства, всегда скреплявшее честных социалистов в мире, не стареет.

«Когда я вспоминаю этот первый период моей работы в Лондоне, — пишет Майский, переходя к своей дипломатической деятельности, — в голове встают лица, лица, лица... Толпы лиц... Вереницы лиц... Люди наполняли мое воображение, люди теснились в моем сознании...»

Майский рисует десятки портретов — рисует по памяти или на основе сделанных в свое время записей. Тут и личные воспоминания о видных старых большевиках, выдвинувшихся на дипломатическом поприще: Г. В. Чичерине, М. М. Литвинове, А. М. Коллонтай, Ф. А. Ротштейне, и странички о революционерах-народниках А. И. Зунделевиче, Ф. М. Степняк-Кравчинской, анархисте П. А. Кропоткине, ученом И. П. Павлове, английских социалистах Веббах и многих других. У автора достаточно красок на палитре, чтобы сделать этих людей живыми для современника. Особенно интересен его рассказ о жизни Литвинова в Лондоне после назначения старого большевика советским полпредом в Англии, когда британское правительство не только не признало его полномочий, но даже бросило его в тюрьму. Рассказ, записанный со слов самого Литвинова, содержит немало любопытных подробностей.

Но, может быть, еще интереснее зарисовки, сделанные с лиц тех, кто находился на другой стороне политического и дипломатического фронта. Здесь краски вспыхивают ярче. Вот несколько штрихов с портрета известной леди Астор, хозяйки «Кливлендского» салона мюнхенцев во второй половине 30-х годов: «Леди Астор гордо, почти надменно восседала на угловом месте во втором ряду консервативных скамей (в палате общин. — Э. Г.)... Затем она вскакивала со своей скамьи и, отведя положенный поклон спикеру, начинала носиться по комнатам и коридорам обширного здания парламента. Потом так же стремительно возвращалась в зал заседаний и ловила первый подходящий случай для того, чтобы вскочить со своего места и открыть беглую бомбардировку по какому-либо оратору длинной очередью сенсационно-крикливых вступосов».

Вот лицемерно-либеральный министр иностранных дел сэр Джон Саймон, готовивший сговор с Муссолини и Гитлером, человек, во многом напоминавший некоторых типичных персонажей Диккенса: «Свинцовые глаза сверлили собеседника, как два буравчика... Было в нем что-то формальное, холодное, жестокое. Ни тени души». В ответ на вопрос, почему Англия не препятствует агрессии Муссолини против Эфиопии, человек без души ответил: «Мы не можем пойти на это, ибо это означало бы падение Муссолини».

Вот мюнхенский премьер-министр Невиль Чемберлен, о котором Черчилль сказал Майскому: «Невиль — дурак... Он думает, что можно ехать верхом на тигре». Вот сам Черчилль, откровенно заявивший советскому послу: «Британская империя для меня начало и конец всего. Что хорошо для Британской империи, хорошо и для меня». Вот ближайший сподвижник Черчилля газетный король лорд Бивербрук, сказавший Майскому летом 1935 года: «Да, да, мы должны идти вместе... Скажу откровенно, я не очень люблю вашу страну, но я очень люблю Британскую империю... Ради здоровья Британской империи я готов на все... А Германия сейчас — главная проблема... Так будем же друзьями».

Классовая вражда не мешала таким реалистически мыслящим политикам в Англии считаться с международной действительностью. Это и помогло им в 40-е годы спасти свою страну путем сотрудничества с Советским Союзом.

Забавны зарисовки некоторых иностранных дипломатов, находившихся в те годы в Лондоне. Перед читателем — спящий на заседаниях бельгийский посол барон Картье де Маршьян, кавалер с моноклем в глазу и пышными седыми усами, о котором его

супруга без стеснения говорила: «Я бы ни за что не вышла замуж за моего Картье, если бы он не был бароном». Когда барона на заседаниях будили, чтобы он принял участие в голосовании, он вскидывал: «Я должен пропустить свою голову! Я не могу так быстро решить!»

Тут же другой барон, шведский посол Пальмштерн, занимавшийся спиритическими беседами с «информаторами из потустороннего мира» и выпустивший на основе полученных отсюда сведений книгу «Горизонт бессмертия». Не забавен, но зато предельно откровенен посол гитлеровской Германии Риббентроп: «Грубый, тупой маньяк с кругозором и повадками прусского фельдфебеля», получивший в дипломатических кругах Лондона кличку «Бриккендроп» (бросатель кирпичей).

Как у каждого мемуариста и историка, у Майского есть более сильные и менее сильные места. Но все тома его воспоминаний, в которых почти полторы тысячи страниц, читаются легко.

Особенно драматичным становится его рассказ с момента начала второй мировой войны в сентябре 1939 года. Читатель следит вместе с ним за фиктивной «странной войной» западных держав с Германией в первые восемь месяцев после нападения Гитлера на Польшу, за событиями в Англии вслед за падением Франции и началом гитлеровского блица против британского острова, за развитием англо-советских отношений после нападения вермахта на СССР. Насыщены все еще неугасшим волнением страницы, посвященные трехлетней дипломатической борьбе за второй фронт. Это было время, когда советскому послу в Лондоне, связанному между Кремлем и Даунинг-стрит, приходилось играть исключительно ответственную и очень трудную роль, и содержащийся в этой части воспоминаний материал безусловно представляет собой особую ценность как первоисточник. Я работал тогда в Лондоне при посольстве и помню, какую бурную деятельность развивал представитель Москвы.

Майский аккуратно записывает содержание своих бесед с Черчиллем, Иденом, Бивербруком, Батлером, Бракеном, Кадоганом и другими руководителями английской политики в те дни, рассказывает о встречах со Сталиным, Молотовым, Вышинским, сообщает о ряде неизвестных фактов и деталей. И, несмотря на строгие правила дипломатической сдержанности, краски на его палитре не только не бледнеют, а местами становятся еще ярче. Автор, сам историк и старый журналист, знает, чего ждут от него современники и что спросит потомство. По мере возможности он им отвечает. Хотя кое-где он глядит на роль

возглавляемого им посольства со слишком близкого расстояния и по этой причине не всегда соблюдает точную пропорцию, не подлежит сомнению, что его записи останутся в железном фонде нашей литературы о второй мировой войне.

Читатель может месяц за месяцем, иногда день за днем наблюдать за драмой крупнейшего буржуазного деятеля того времени — Черчилля, тщетно пытающегося по примеру своих предшественников навязать событиям свою волю. Черчилль — блестящий политический игрок, опытнейший империалист, верный ученик Пальмерстона и Дизраэли; человек, стоящий на голову выше всех буржуазных деятелей Англии XX века. Но он же — представитель исторически отживающего класса. Решает это, а не личность политика. Несмотря на поражение Германии, вклад в которое вносит и Англия, Черчилль, как уже в то время видит Майский, в конечном счете все же проигрывает. Он не сумеет после войны повернуть мир на ту дорожку, которая вела бы к сохранению и возвышению Британской империи; со скрежетом зубным он отступит.

Тут же раскрывается другая сторона того же исторического процесса. Следя за отчетом советского посла в Англии, читатель видит — больше того, как бы осязает — силу новой, молодой социальной системы, общества, которому в момент нападения Гитлера еще не исполнилось 24 года. Старый мир содрогается в невыносимых конвульсиях и едва не летит в пропасть, но молодое, революционное общество преодолевает гигантские препятствия. Социализм движется вперед.

Какие выводы можно извлечь из изложенного в воспоминаниях Майского опыта его долголетней дипломатической деятельности?

Выводов много, но два из них кажутся мне особенно существенными для наших дней. Первый касается отношений между Советским Союзом и капиталистическим миром — того дела, которому автор посвятил важнейшие годы своей жизни.

Рассказывая о кануне второй мировой войны, когда мюнхенцы в разных странах упорно старались ухудшить отношения с СССР, толкая свои народы к гитлеровской бездне, Майский пишет: «Я чувствовал, что мир быстро несется к катастрофе, что нужны усилия гигантов для предупреждения новой страшной бойни, а здесь, перед моими глазами, копошились какие-то карлики, которые не хотели понять и не понимали, что творится на земле, и жили, целиком погрязнув в мелких ходах и контрходах трафаретно-дипломатической рутины».

Исчезли ли политические карлики

в капиталистическом мире наших дней? Мы знаем, что нет: они живучи. Но не исчезли и те, кто три с лишним десятилетия назад, в решающий для судеб мира момент, взял верх над карликами. Это, во-первых, рядовые люди, честные друзья мира во всех странах. Это, во-вторых, политические реалисты в буржуазных кругах. О них, очевидно, и думает бывший советский посол в Лондоне, когда, говоря об Англии и подчеркивая необходимость укрепления англо-советской дружбы, приводит свои высказывания 1932 года, оставшиеся тогда неопубликованными: «Я надеюсь, что столь присущий английскому народу здравый смысл и никем не превзойденное умение считаться с фактами... сильно облегчит осуществление этой задачи. Будучи величайшим благом для обеих стран, улучшение отношений между ними в то же время представляло бы собой чрезвычайно крупный фактор международного мира...»

В дни разрядки и борьбы за безопасность советский призыв к здра-

вому смыслу в международных отношениях относится не только к Англии, но ко всем государствам и народам несоциалистической части планеты. Мир нужен всем и сегодня и завтра — таков первый ясный вывод из воспоминаний И. М. Майского.

Второй вывод имеет более общий и широкий, пожалуй, даже философский характер. Сумма воспоминаний автора подтверждает то, с чего он начинает: правоту исторического оптимизма. «Жизнь иногда бывает более фантастична, чем сказка, и я рад, что мне приходится переживать такую фантазию», — замечает Майский в одной из заключительных глав своей работы. Человек нашего столетия, участвующий во всемирной борьбе за новое, бесклассовое общество, действительно вправе сказать: есть за что стоит жить. Борьба развертывается, становится все более сложной и грандиозной, отдыха эпоха не дает, но человек продолжает путь и своего добьется. Как бы ни жаловались и ни ворчали на историю пессимисты, оптимисты правы.

«Хронология жизни и творчества Леси Украинки» (1970). Много белых пятен в биографии Леси Украинки помогли заполнить мемуары, собранные и опубликованные в 1963 году А. Костенко, который предупредил читателя, что в его издании собраны «почти все свидетельства современников, которые могут быть ценными для выяснения жизни и творчества поэтессы». Определение «почти все» было довольно спорным, так как за пределами сборника остались многие ценные свидетельства не просто современников, но соратников и друзей Леси Украинки, печатавшиеся ранее на Украине.

Теперь серия литературных мемуаров пополнилась воспоминаниями современников о Лесе Украинке; составление, вступительная статья и комментарии к сборнику принадлежат Александру Дейчу, который учел пробелы украинского сборника 1963 года, в результате чего русскому читателю повезло больше.

Отметим прежде всего то новое, что опубликовано в сборнике А. Дейча. Это, во-первых, воспоминания Людмилы Старицкой-Черняховской, человека незаурядного ума и таланта, дочери драматурга Михаила Старицкого. Впервые «Минуты жизни Леси Украинки» появились в «Литературно-научном вестнике» (№ 10, 1913). Ценность этих воспоминаний не только в их достоверности (в чем не приходится сомневаться), а в их особой публицистической тональности, в поэтичности мышления автора, в их гражданской страстности, в чувстве великой дружбы и взаимопонимания, которыми Леса была окружена «в трех связанных между собой семьях: Лысенко, Старицких и Косачей, а также в далекой семье М. П. Драгоманова».

Кстати, о Драгоманове, как о «духовном отце» Леси Украинки, книга составленная А. Дейчем, дает довольно полное представление: в аргументации этого непреложного факта, несомненно, большая заслуга рецензируемого издания.

Многие годы поэтесса была дружна с известным украинским деятелем, историком и библиографом М. Ф. Комаровым; о ее пребывании в Одессе в семье Комаровых рассказывают страницы, принадлежащие перу Б. М. Комарова; многие сообщенные им факты были доселе неизвестны.

Павел Горянский, учившийся в Дерптском университете с братом поэтессы Михаилом Косачом (его воспоминания впервые были опубликованы в журнале «Життя і революція», 1926, № 2—3), пишет о позиции Леси в ряде вопросов, в том числе и о ее отношении к «толстовству» как проповеди «непротивления злу».

Из воспоминаний младшей сестры поэтессы Изидоры Косач-Борисовой, опубликованных в зарубежных изданиях, А. Дейч представил несколько живописных фрагментов о Косачах в Колодяжном и на хуторе Зеленый Гай; новые подробности есть и в ее воспоминаниях о последних днях Леси.

Очень важна публикация новых для читателя воспоминаний В. Д. Александровой, дочери писателя Д. Л. Мордовцева. Посвящены они отношениям Леси Украинки и одного из первых русских марксистов Сергея Мержинского. Прав А. Дейч, считающий, что эти мемуары «являются уникальным документом». Малоисследованные страницы биографии поэтессы помогают в чем-то прояснить и опубликованные в примечаниях два доселе неизвестных письма Леси Украинки к В. Д. Александровой из Сан-Ремо, датированные 1902 годом.

Все, сказанное выше, касается принципиальной новизны сборника. Но русскому читателю будет интересно познакомиться и с известными на Украине публикациями. Это в первую очередь воспоминания сестры поэтессы Ольги Петровны Косач-Кривинюк, подруги Леси Оксаны Штешенко, мужа ее Климента Квитки, друзей и родственников Галины Лысенко, Варвары Дмитрук, Нестора Гамбаравили и др. Дополняют картину два сообщения прессы того времени: «Похороны украинской писательницы в царской России» неизвестного автора и некролог Пегра Дятлова «Памяти Леси Украинки», опубликованный в большевистской газете «Рабочая правда».

Сборник «Леса Украинка в воспоминаниях современников» — не только мемуары. Его вторая часть — шесть самых значительных в украинской критике статей о творчестве Леси Украинки. Их авторы — Иван Франко, Микола Зеров, Павло Филиппович, Александр Белецкий и Максим Рыльский.

Познакомившись с жизнью поэтессы, мы с особым пристрастием углубляемся в ее творчество; в своей взаимообусловленности эти два качества воссоздают феномен Леси Украинки. Ее личность проявляется для нас на ярком историческом фоне родившей ее эпохи, поданной во всех ее противоречиях и взаимосвязях; полноте впечатления способствует блистательная эрудиция автора вступительной статьи и комментариев А. Дейча, чья многолетняя работа над изданием произведений Леси Украинки, чьи исследования ее жизни и творчества давнонискали ему заслуженное уважение. Составление сборника и вступительная статья к нему — одна из последних работ выдающегося литературоведа и критика.

Почти все переводы с украинского выполнены Е. Малкиной: своеобразие ее труда — не столько в почтительном отношении к авторам текстов, сколько в умении донести до русского читателя богатство украинского оригинала, сохранив изящность авторской стилистики.

Воспоминания читаются легко, книга пользуется успехом в самых разных читательских кругах и способствует расширению нашего представления о великой украинской поэтессе. Потому что создали эту книгу люди, влюбленные в Лесю Украинку.

Лесь Танюк

СОДЕРЖАНИЕ

Глеб ГОРЫШИН. Тридцать лет спустя. <i>Повесть</i>	3
Майя БОРИСОВА. Костер на облаках. <i>Стихи</i>	30
Надежда ПОЛЯКОВА. Сначала легкий ветер трепетал... Ах, боже мой, какой была я молодой... По ночам здесь удивительно тихо... <i>Стихи</i>	31
Светлана ЕФРЕМОВА. Мое лесничество. <i>Стихи</i>	32
Элида ДУБРОВИНА. Матери. Возвращение. <i>Стихи</i>	34
Алла ДРАБКИНА. ...И чуть впереди. <i>Повесть</i>	35
Ирина МАЛЯРОВА. Ковшам берестяным который век?.. Сонет. Недаром сказано „И вечный бой!..“... Давай не хмурься, голова... Опять стоит зеленый дым над лесом... <i>Стихи</i>	90
Алла БОРИСОВА. Мужество. Акварель. Мне дорог язык, на котором... <i>Стихи</i>	91
Ирэна СЕРГЕЕВА. Навеки остается так. Вдаль стремись, не оглянись... Суеверный верный друг... Доброта, да все не та... Маме. Музыка. В селение Бечо... Мостик. <i>Стихи</i>	92
Исаак ТРАЙНИН. Дыхание земли. <i>Стихи</i>	93

ПУБЛИЦИСТИКА

М. ИВИН. Чтобы жить!..	95
А. ФУРСЕНКО. Проблемы черной Америки	113

ВОСПОМНАНИЯ

О. МАТЮШИНА. Призвание	137
Ариадна ЭФРОН. Страницы воспоминаний. Вступительная статья Вл. Орлова	154

ИСКУССТВО

Р. БЕНЬЯШ. Юрий Любимов (Размышления после ленинградских гастролей)	181
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

Н. СКАТОВ. Создатель народного театра (К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского)	192
Эрнст ГЕНРИ. Оптимистические воспоминания	202

КРИТИКА

Г. БЕЛАЯ. Искусство и действительность (Поэтика социалистического реализма)	208
---	-----

СРЕДИ КНИГ

Г. Белоусова — Александр Адамович. Хатынская повесть. ◇	
Е. Холшевникова — В. Шефнер. Стихотворения. ◇ В. Брагина — Юстинас Марцинкявичус. Миндаугас. ◇ Лесь Танюк — Лесь Украинка в воспоминаниях современников. . . .	218

Главный редактор Г. К. ХОЛОПОВ

Редакционная коллегия:

Н. Л. БРАУН, С. А. ВОРОНИН, Н. Г. ГУБКО, Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВ (зам. главного редактора), П. В. ЖУР (первый зам. главного редактора), М. Е. ИВИН, Б. Г. РЕИЗОВ, А. С. СМОЛЯН, А. П. ЭЛЬЯШЕВИЧ

Ответственный секретарь И. М. ЕРШОВА

Корректоры: И. Л. Каган, К. М. Ласта

Технический редактор Н. П. Макшеева

Адрес редакции: 192028, Ленинград, Моховая, 20

Телефоны: главный редактор — 72-71-38, заместители главного редактора: 73-76-92 и 73-37-24, ответственный секретарь — 73-76-92, зав. редакцией — 72-89-48, отдел прозы — 72-18-15, отдел критики — 73-52-56, отдел очерков и отдел поэзии — 73-74-91

Издательство „Художественная литература“

М-12627. Подписано к печати 19/II 1973 г. Тираж 100 000 экз. Формат 70×108¹/₁₆. 14 печ. л. 19,6 усл. печ. л. 23,822 уч.-изд. л. Заказ № 1037. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

12740

50 коп.

Индекс
70327

XX 306
22

Handwritten signature in red ink

3
1973